

УДК 101.1:316

А. А. Мустафин

НОВАЯ ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Данная статья представляет собой постановку проблемы формирования новой инвайронментальной парадигмы, базирующейся на эгоцентризме, в качестве антитезы доминирующему в общественном экологическом сознании антропоцентризму, а также рассмотрение эколого-мировоззренческих принципов сквозь призму политических, экономических и культурных реалий современного российского общества и поиск причин его перехода в стадию «общества риска».

Ключевые слова: антропоцентризм, инвайронментальная парадигма, эгоцентризм, «русский космизм», «общество риска».

A. A. Mustafin

NEW ENVIRONMENTAL PARADIGM IN CONTEXT OF MODERN ECOLOGICAL CRISIS

This article presents the problem of generating new environmental paradigm on the bases of ecocentrism, as antithesis dominant representation in public ecological consciousness to anthropocentrism and consideration of ecologic world outlook principles viewing it through the political, economical and cultural realia of modern Russian society and looking up for the causes of its transition to the stage of “risk society” as well.

Keywords: antropocentrism, environmental paradigm, ecocentrism, “russian cosmism,” “risk society.”

Одной из ключевых проблем процесса современной модернизации общества является проблема коэволюции природы и человека. В настоящее время состояние коэволюционных процессов таково, что их успешное осуществление во многом определяется необходимостью формирования в обществе «нового экологического сознания». Логика развития мировой цивилизации оказалась такова, что в общественном сознании утвердилась так называемая «парадигма человеческой ис-

ключительности» [6, с. 8]. Она основывается на утверждении, что человек принципиально отличается от всех остальных живых существ на Земле, над которыми он доминирует и его деятельность обуславливается не биофизическими факторами окружающей среды, а социальными, культурными моментами. Таким образом, базирующееся на данных постулатах общественное экологическое сознание в целом может быть названо антропоцентрическим.

Положенный в основу экологического сознания антропоцентризм пронизывает все сферы человеческого общежития. Например, в системе образования учебные программы по биологии, географии, экологии во многом руководствуются идеями использования природных ресурсов с учетом максимальной пользы для человека, но без учета «предела допустимых норм» для природы. При экономических расчетах в промышленном производстве центром внимания является фактор полезности для человека, благополучие же мира природы в основном выносится за рамки необходимого анализа. Проведение экологической экспертизы при этом нередко осуществляется с точки зрения безопасности для человека, а не для самой природы. Антропоцентрический тип экологического сознания в обществе очень устойчив и мгновенно отказаться от него достаточно сложно, однако в условиях надвигающейся экологической катастрофы необходимость формирования нового видения мира становится очевидным фактом. Академик Н. Н. Моисеев, размышляя о катастрофических последствиях экологического кризиса предупреждал, что человек будет иметь шанс на будущее только тогда, когда перестанет чувствовать себя властелином, а не частью того мира, в котором он живет [3, с. 264].

Большинство современных ученых все больше склоняются к тому, что противоречия в системе «природа-человек» можно устранить только путем отказа от господствующей антропоцентрической установки. В истории развития общества попытки трансформации мировоззренческих ориентиров, путем формирования экологически ориентированного сознания, предпринимались не один раз. В России истоки формирования «нового экологического сознания» связаны с возникновением идеологии русского космизма. Ее постановка была предпринята в России еще в середине XIX века. Тогда в результа-

те взаимовлияния естественных и гуманитарных наук на почве самобытной культуры возникло своеобразное течение или «умонастроение» (Н. Н. Моисеев), которое получило позднее название русского космизма. В то время представления о космосе ассоциировались с нынешним понятием природы. Человек и его Разум есть порождение космоса и, будучи носителем Разума, он становится участником развития мира, оказывает воздействие на это развитие. Ценность идей русского космизма состоит, главным образом, в формировании антропокосмического мировоззрения, определяющего особое, бережное отношение человека к природе. Вряд ли, конечно, русский космизм, в соответствии с реалиями сегодняшних дней, может служить опытом перспективного мышления в области решения экологических проблем и являться концепцией, определяющей перспективы выхода из тупика, в который зашло современное российское общество, однако его исторический опыт и значение вполне очевиден.

Заслуживает должного внимания и опыт формирования «нового экологического сознания», который демонстрирует история США. В первую очередь, это освоение новых земель на Западе, которое в условиях открытых границ способствовало возможности неограниченного экстенсивного роста. Экстенсивный путь развития позволял легко снимать социальное напряжение, другими словами те, кто был недоволен своей жизнью, могли уйти на Запад осваивать необжитые районы, устанавливая там свои порядки. Однако в середине XIX века резервуар свободных земель на Западе был исчерпан, обозначив границы экстенсивного роста, что, в свою очередь, способствовало переходу к урбанизации США и началу первого экологического кризиса на американском континенте.

В результате его осмысления в начале XX века в США складывается экологически

ориентированное мировоззрение, определяющее систему отношений природы и человека, получившее название американского инвайронментализма (от англ. environment – среда). Стержнем инвайронментализма стала идея необходимости принципиально нового взаимодействия социальных образований со средой своего обитания. Положенный в основу выработки новой стратегии взаимодействия с природной средой инвайронментализм, в форме парадигмы, проявлял себя в разное время в качестве консервационизма, биоцентризма, утилитаризма, в которых содержались как позитивные, так и негативные суждения.

Конец XX века поставил перед человечеством вопрос о необходимости новой системы взаимоотношений с природой. Осознание того, что антропоцентризм является психологической базой экологического кризиса, привело к возникновению новой инвайронментальной парадигмы, базирующейся на эгоцентризме, который представляет собой кардинальную смену образа мира, в которой человек должен отказаться от представления себя как покорителя природы. В основании эгоцентризма должен быть положен принцип экологической целесообразности, для которого характерны следующие особенности:

- все природное признается изначально самоценным, имеющим право на существование вне зависимости от полезности, бесполезности или даже вредности для человека;

- разум не является основанием особых привилегий для человека, а, наоборот, предполагает огромную ответственность и дополнительные обязанности по отношению к окружающей его природе;

- воздействие человека на природу сменяется взаимодействием его с ней. Характер этого взаимодействия определяется «экологическим императивом» (Н. Н. Моисеев), то есть требованием такого изменения образа

жизни людей, который согласовывал бы их потребности с возможностями сохранения биосферы;

- развитие биосферы представляется как коэволюционный процесс взаимодействия природы и человека, то есть процесс взаимовыгодного единства, в котором эгоцентризм должен представлять собой новое видение мира, в основании которого должен находиться принцип экологической целесообразности.

Очевидно, что любая экологическая доктрина возникает на конкретной социальной почве и ее привлекательность обусловлена состоянием общества и общественного сознания, следовательно, ее разработка возможна только на основе всестороннего анализа реального общественного положения, а реальность в настоящее время такова:

- России типична культура «индивидуализированного общества», культурным императивом которого является жизнь в условиях отсутствия определенности, тревога и озабоченность за день грядущий;

- в России существует примат рыночной идеологии над социальной политикой;

- отсутствие влиятельной в российских политических кругах научной элиты и интеллектуальной традиции конструирования и обсуждения социально-экологических программ;

- процесс модернизации современного российского общества сопровождается рисками, которые она систематически генерирует;

- в России система превалирует над средой, когда мир представляет собой набор ресурсов для достижения целей этой системы и является резервуаром для хранения отходов ее жизнедеятельности, другими словами нарастает процесс трансформации среды жизнеобеспечения в среду жизнеразрушения.

Следовательно, главным источником рисков в современном российском обществе

является основное противоречие «система – среда» и если оно не осознает подрыва важнейших структур жизнеобеспечения, то крах неизбежен, поэтому способность общества к риск-рефлексии, как важнейшей составляющей комплекса экологических ценностей, становится необходимым условием его выживания и самосохранения [5, с. 22]. Осмысление новой социальной реальности способствовало возникновению ряда теорий, описывающих происхождение рисков и связанные с ними закономерности политического, социального и техногенного развития. Одним из наиболее масштабных теоретических образований среди них является концепция «общества риска» немецкого социолога Ульриха Бека. На основе анализа развития современного общества он сформулировал идею новой ступени ее существования – стадии индустриального общества риска, характеризуемой понятием «рефлексивная модернизация».

По мнению У. Бека главной и отличительной особенностью стадии «общество риска» является производство не только благ, но и рисков, распространение которых становится совершенно бесконтрольным, приобретающим глобальный, неклассовый характер. Он полагает, что общество с высоким уровнем индустриального развития с неизбежностью становится «обществом риска». Вследствие модернизации, производство рисков становится частью общественного воспроизводства, которое неизбежно влечет за собой трансформацию всех ее «традиционных» институтов. Разрушаются старые социальные связи, выполнявшие в обществе функции формирования социального порядка, дававшие индивиду чувства стабильности, надежности и уверенности в завтрашнем дне [1, с. 21–42].

Эту идею поддерживает другой видный социолог Энтони Гидденс, который так же полагает, что разрушение этих связей ли-

шает индивида надежности и уверенности за свое будущее, способствует возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни и культур в большинстве регионов мира [2, с. 30].

У. Бек считает, что риски, порождаемые современной модернизацией, отличаются от рисков предшествовавших эпох следующим:

- риски не воспринимаемы органами чувств человека, они воспринимаются и осмысливаются только через знания; центр осознания рисков находится не в настоящем, а в будущем;

- риски не ограничены во времени и пространстве;

- риски не компенсируемы (радиационный фон, сокращение продолжительности жизни);

- риски не имеют конкретного виновника, так как в обществе каждый является причиной и следствием их возникновения;

- первоначальное распределение рисков в обществе происходит обратно схеме распределения богатств: состоятельные люди могут обеспечить себе безопасность от рисков, а людей с низким материальным достатком нужда заставляет пренебрегать ими, то есть риск воспроизводит новые общности, ценностной основой которых становится отношение к безопасности [4, с. 96].

Если согласиться с перечисленными характеристиками, то существующую реальность допустимо толковать как всеобщую универсализацию и глобализацию риска. Другими словами, в мире существует постоянная угроза глобальных бедствий и катастроф – это первое. И второе – это всеобщая институционализация риска, то есть его устойчивое воспроизведение во всех сферах человеческой жизнедеятельности: политике, экономике, науке, семье, образовании и во многом другом. Характерной особенностью общества риска является его тесная связь с ростом знаний. Рост и применение

знаний в обществе приводит к количественному и качественному росту рисков. В этой ситуации роль науки и научных знаний существенно возрастает, поскольку опасности, которым подвержено «общество риска» люди зачастую не ощущают или просто не хотят видеть и ощущать.

Очевидно, что работу по обнаружению и эффективно управлению рисками в обществе качественно могут выполнить только ученые, которых необходимо повсеместно привлекать к этому делу, то есть государству необходимы эксперты, способные грамотно и квалифицированно справляться с этой задачей. Однако очевидно и то, что науке, несмотря на все свои возможности, без должной, всесторонней поддержки и понимания со стороны властных структур сложно будет решать возникшие проблемы, как, например, в ситуации с борьбой за чистоту озера Байкал. Справедливо утверждает профессор В. В. Мантатов, что в этом случае все будет зависеть от того, на какие ценности ориенти-

руются те, кто принимает властные решения. Сторонников технократического подхода невозможно заставить беречь Байкал. Для них Байкал представляет лишь инструментальную ценность, из чего можно извлекать выгоду, пользу, прибыль, что можно эксплуатировать. Понятия «жизнь природы» или «дух Байкала» бессмысленны для технократа, в то время как ученому-экологу они напоминают о внутренней, сакральной ценности природы. Такая разница в понимании основных ценностей порождает дивергенцию политических подходов в области охраны окружающей среды [4]. Становится очевидным, что в условиях стремительной трансформации российского общества в «общество всеобщего риска», наука и власть просто обязаны быть готовы к взвешенному и конструктивному диалогу по комплексному решению вопросов в области экологии, вполне вероятному на базе новой инвайронментальной парадигмы, которая может стать опытом перспективного мышления в области решения экологических проблем.

Литература

1. Бек У. Общество риска. – М., 2002.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2002.
3. Моисеев Н. Н. Избранные труды. – М.: Тайдекс Ко, 2003.
4. Мантатов В. В. Ценностные основания грядущей цивилизации: устойчивое развитие и экологическая этика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.baikalib.ru/Live_Baikal/virt_baikal/gl5.php
5. Россия: риски и опасности «переходного» общества: сборник статей / отв. ред. О. Н. Яницкий. – М.: Институт социологии РАН, 1998.
6. Яницкий О. Н. Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культур // Социологические исследования. – 1994. – № 3.

Literatura

1. Bek U. Obwestvo riska. – M., 2002.
2. Giddens Je. Uskol'zajuwj mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. – M., 2002.
3. Moiseev N. N. Izbrannye trudy. – M.: Tajdeks Ko, 2003.
4. Mantatov V. V. Cennostnye osnovanija grjaduwej civilizacii: ustojchivoe razvitie i jekologicheskaja jetika [Jelektronnyj resurs]. – Rezim dostupa: http://www.baikalib.ru/Live_Baikal/virt_baikal/gl5.php
5. Rossija: riski i opasnosti «perehodnogo» obwestva: sbornik statej / отв. red. O. N. Janickij. – M.: Institut sociologii RAN, 1998.
6. Janickij O. N. Industrializm i invajronmentalizm: Rossija na rubezhe kul'tur // Sociologicheskie issledovanija. – 1994. – № 3.